

ка. Ловушек вокруг стада больше двадцати. Ежегодно в нескольких из них испускает дух косолапый любитель оленины.

— В эту медведь три года назад попался, — и Егор указал на кости, валяющиеся в траве.

Он привязывает проволокой приманку — протухшую оленью голову. Потянет медведь приманку, и бревно, рухнув сверху, переломит ему конечности.

Вечером сидим в палатке. Анисья Егоровна Федотова ставит на середину столик — ножки его длиной с папиросу. Режет белую лепёшку, испечённую утром, когда все ещё спали. Наливает всем чай с оленьим молоком.

Целый день старушка хлопочет у палатки. Готовит еду, выделывает шкуры, шьёт унты. При ней живут внуки-дошкольники — Эдик и Лена Федотовы.

Кстати, о детях. У Поротовых их восемь. Часть из них — школьники, привезённые в тайгу на каникулы. А те, что ещё не учатся, так и живут в тайге с родителями. Самый маленький спит в берестяной люльке, к которой подвешены погремушки — связки пистонов, оленьих копытец и позвонков тайменя.

Удивляет эта смесь древнего, национального с современным. Позвонки тайменя — и тут же книги, «Спидола», хорошая одежда...

За чаем Дмитрий Герасимович — отец Егора рассказывает о тайге и о старом времени. Ему шестьдесят три. Он помнит хитрых китайских купцов, к которым эвенки несли пушнину. «Хо!» — кричал китаец, если шкурка была хороша, и давал охотнику немного муки и чая, похожего на сено. Жили эвенки охотой.

— Штаны из шкуры, рубаха из шкуры. До-олго хватит таскать! — посмеивается старик, вспоминая былую нищету.

— Когда колхозом стали, всего сто пятьдесят оленей было. А сейчас в нашем стаде восемьсот сорок голов. На мясо сдавать начали. Хороший доход колхозу...

Гаснет свеча, и запах парафина плывёт по палатке.

Хозяйственный Ваня и Таня-«кутурук»⁵⁹¹

Таёжные картинки

Иванчик любит вырезать из бумаги оленей. Целое бумажное стадо разбрелось по вашему зимовью, а ему всё мало. Вернёшься вечером с охотничьего путика, не успеешь и чаю толком попить — а он тут как тут, с ножницами:

— Ну вы-ырежь оленя!

— Не умею.

⁵⁹¹ Амурская правда. — 1979. 18 марта. — Подготовка текста к публикации А. А. Забияко, В. А. Трошиной.

— А тогда нарисуй!

Я стал рисовать оленя, но получилась лошадь с рогами. Поразмыслив, я зачёркал рога и на оставшуюся лошадь посадил кавалериста.

— А что у него в руке? Таняк?

Таняк — палка, которой погоняют оленя. Я буркнул:

— Сабля это. — И нарисовал убегающего белогвардейца, который в панике бросил наземь свою винтовку. Это обстоятельство ошеломило Иванчика. Он долго смотрел на рисунок и презрительно сказал:

— Ружьё бросил. Тоже мне охотник!

Шестилетний Ваня ещё не успел узнать, кто такие были белогвардейцы, зато знает, что охотнику не годится быть трусливым. Хвастливым — тоже.

Однажды они с отцом вышли из дому, перешли по молодому октябрьскому льду реку Ын, и в косматом ельнике отец срубил соболиную ловушку, а сын, как мог, ему помогал.

— Это твоя ловушка, — сказал отец.

И случилось так, что первый соболь сезона попал именно в эту кулёмку. Отец смеялся:

— Ты, Иванчик, почин сделал!

Ваня взял добычу за лапы, встряхнул, подул в мех, как взрослый: какая, мол, подпушка? Был он в эту минуту бледен и молчалив от восторга. Но уже через полчаса вдруг махнул рукой и сказал:

— Это папкина добыча, а не моя. Это он место выбирал.

Лёгкой славой его не обманешь. Сын эвенка, сын охотника хорошо представляет себе, что охота — штука сложная. Уже два года кочует он с родителями по охотничьим угольям отца.

Сколько их у него уже было, этих перекочёвок!.. Если зима, Ваня едет в нартах, сидя в шубе, как в тёплой будке. А летом все едут верхом, и Ваня тоже. Сидит в седле, как настоящий охотник.

А Тане только четвёртый год, и ей особое внимание. Её садят на большого светлорогого оленя, в седло, покрытое по деревянной луке узорной резьбой. Седло старинное, в нём ездил мальчиком ещё Танин дед. Спереди подвязывают подушку, сзади подушку, по бокам — дощечки, чтоб не упасть. Укутанная в голубое покрывало, Таня едет торжественно и сонно, как восточная принцесса. А соскучившись глядеть на ёлки и оленины спины, приказывает:

— Воды! И печенья!

Егоза. Обедали полчаса назад — ничего не желала, только вывозила себе щёки взбитым оленьим молоком... Мать, Екатерина Петровна, подъехав, поправляет ей платок:

— Подожди, котой. (Котой — значит дочка). Здесь перевал, воды нет. Скоро речка будет.

— Тогда чаю!

— А чай не из воды, что ли? — возмущённо ёрзает в седле Иванчик.

А Танюхе не столько воды нужно, сколько хочется оказаться в центре внимания. Она это обожает. Зимними вечерами в избушке, когда вся се-

мья сборе — отец упряжь чинит, бабушка шьёт унты, — бывают минуты сосредоточенной тишины. И тогда Таня вздыхает по-старушечьи:

— Ох, беда, беда!

Нарочно, чтобы все засмеялись. Для этой цели и другие словечки годятся. Например, «ради бога». Что такое «бога» — этого даже Иванчик не знает. «Ради» — тоже непонятно. А вот «радио» — это понятно, это значит «Спидола». И Таня кричит:

— Не мешайте вы мне, радио бога!

На каникулах приезжают к ним в тайгу старшие братья Миша-чан и Виталка, школьники. Сколько фильмов пересмотрел Виталка в колхозе! За пять минут он пытается все их пересказать Иванчику:

— Он поскакал, а они: бах! А он: хлесь! Тынь! Тынь! Тынь!..

— А они? — замирает Ваня.

— А они тоже — тынь! Тынь!..

Потрясающе. Таня и Ваня тоже смотрели кино не раз, но куда им до Виталки!

В остальном же маленькие эвенки не отстают от жизни. У них те же проблемы, что и у их сверстников в городах.

— Мама, у реактивных самолётов крылья большие? — спрашивает Иванчик. — Если два самолёта встретятся, как они разойдутся?

Таня над мудрёными вопросами голову не ломает, решает их сплеча:

— Макароны в Огодже растут!

И точка.

Ваня с удовольствием рассказал бы вам сказку, да разве Таня даст! Она сразу влезет и начнёт рассказывать «Колобок». Из всей сказки она помнит только одну фразу «По амбару метён!» — но зато повторяет её с упоением минут десять, пока даже добродушный пёс Серый не начинает в недоумении стучать под нарами хвостом.

Сказки им мать читает. Есть у них букварь и азбука, и Ваня за зиму выучил все буквы, а заодно освоил сложение до десяти.

Но ничто на свете не интересует их так, как деятельность взрослых.

В сумерках, весь запорошённый снегом, замёрзший и усталый, возвращается в зимовьё отец. Наспех привязывает верхового оленя — и греться. Только дверь откроет — а Таня и Ваня уже кричат:

— Что убил?

Если Иван Егорович привёз одного соболя, Иванчик скажет: «О!» — если двух: «Хм! Молодец», — а если пусто, то ничего не скажет: всякое бывает, охота есть охота,

В хозяйственные дела Иванчик вникает до мелочей. У него всегда можно получить нужную консультацию. Скажем, по «оленьему» вопросу.

На ночь оленей отпускают пастись, а чтобы они далеко не ушли, на шею им вешают чангай — увесистую палку... И если отпускать оленей приходится мне, я зову на помощь Иванчика.

— Чурап и без чангая не убежит, — наставляет он меня. — Братишка и Большой тоже, они и так за день устают... Это не Братишка, вот Братишка, тоже с одним рогом. Ты опять не узнал, что ли?.. А это Пуйлалак. У-у, ди-кошарая! Ей самый тяжёлый чангай привяжи... Пстой, — кричит он, — а кунгулян?

Чуть не забыл! Развязываю язычки колокольчиков — «кунгулянов», животные уходят в чащу, звон удаляется.

Попозже Иванчик выйдет из избушки и слушает. Звон колокольчиков еле доносится из темноты, похожий на отдалённый смех, на безумное бормотанье. Но Ванино ухо улавливает — это колокольчик Кочерги, а это — верхового по кличке Экимчан...

— Вверх по ключу пошли, — докладывает он отцу, войдя в избу.

Наутро отец идёт по ключу и пригоняет оленей. У зимовья суматоха. Животных надо поскорее переловить и привязать, не то опять уйдут. Их приманивают солью. Отец бросает аркан. И всюду коварным чертёнком носится Ваня: бочком подбирается к оленю и молниеносно хватает его за уздечку...

Дверь зимовья день-деньской открывается и закрывается, как дверь вокзала, будто через неё проходят толпы народа. Но непоседливая эта толпа состоит в основном из Вани и Тани, которая всюду следует за братом, как хвостик. Так её и прозвали — «кутурук», хвостик.

За день Ваня успевает натаскать помаленьку дров, покормить собак, исполнить тысячу мелких поручений. Он помогает мять и выколачивать пушнину и обижается, если ему не достанется соболя шкурка для обработки. Однажды он взял узкий, бриткий отцов нож и самостоятельно, по всем правилам, снял камус с ноги убитого дикого оленя. Шкурки с соболей и белок он ещё ни разу не снимал, но наблюдал, запоминал, как это делается, и укажет на малейшую вашу оплошность:

— Дефект будет!

Он заметит, что вы неправильно увязали поклажу на нартах. Он пять раз напомним, какой олень сегодня не пришёл к зимовью. Это не пустое надоедание: плохо увязанная кладь может в дороге потеряться, а олень, которого нет уже вторые сутки, уйдёт далеко, и тогда ищи его...

Как дятел выклёвывает из дерева личинки короеда, так Ваня, насмешливый и дотошный, выклёвывает, где заметит, личинки лени и небрежности.

— На нарах валяться — зачем тогда в тайгу ходить? — говорит отец. Эту житейскую философию сын усвоил, и другая ему неведома.

Отец ремонтирует бензопилу.

— Иванчик, сходи-ка в палатку, принеси молоток.

За окном зимовья уже темно. Ваня мнётся.

— Бабая боишься? — усмехается отец.

— Нет.

— А кого же? Медведи зимой не ходят, ты же знаешь.

— Да, а вдруг там, за деревом, кто-нибудь стоит!

— А собаки на что? Собаки бы залаяли!

Убедительно. Надо идти. Когда тебе седьмой год, то двадцать шагов в темноте среди деревьев... Что там говорить.

Но через две минуты молоток лежит на столе.

Новая весна. Рыжая весенняя вода мчится по руслу речки, выложенному льдом. Светлый оленёнок, родившийся вчера, поднимается на невероятно длинные ноги.

Отец пригнал к палатке оленей.

— Луча! — кричит Танюха. — Ты сколько оленей поймал?

Луча — русский. Это я.

— Двух, — отвечаю.

— А я — вот сколько! — она показывает три пальца и, довольная, ковыляет к Экимчану, который перестаёт жевать жвачку. Он не боится её, только изумлённо таращит глаза.

Цоп за уздечку!.. Попался, дуралей...

Вот и Танька уже помощница.

А Иванчику осенью в школу.

Грустный реванш профессора Пирата⁵⁹²

Маленькая старушка-эвенкийка подыскивала кличку белому щенку. Щенок помог ей в этом. Ковыляя туда-сюда по комнате, он нашёл на полу шахматную фигурку из пластмассы. Такую же белую и головастую, как и он сам.

И старушка назвала щенка Шахмат. Для справки укажем, что в этом несколько неожиданном, с точки зрения грамматики, слове ударение поставлено на первый слог. Кличка звучная, раскатистая. Если вы крикнете: «Шахмат!» — вся тайга скажет: «Ах!...Ах!», — три синицы слетят с ветки, уронив вам за шиворот снежный ком, и белый пёс вылетит из кустов.

Желтовато-белый пес. И язык у плеча — словно красное кашне.

Одно ухо смотрит у него вверх, а другое — вниз. Сам Шахмат смотрит всегда в одну сторону — в ту, откуда вкусно пахнет. Глаза у него цвета жигулёвского пива, и в них вертится столько находчивости, сколько хватило бы на десяток толстых дядек, торгующих этим пивом

Первые два года жизни Шахмат провёл в посёлке, и провёл приятно. Смачный кусок был всегда обеспечен, потому что Шахмат умел его стащить или выклянчить с помощью подхалимажа. Досуг проходил в драках. Клыки у пса были крепкие, а если противник оказывался силён, то выручали приятели.

⁵⁹² Горняк Севера. — № 24, 27. 1, 3 марта 1973. — С 4. — Подготовка текста к публикации А. А. Забияко, В. А. Трошиной.